

УДК 81`221

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ И АКТ МОЛЧАНИЯ

С.В. Крестинский, В.А. Голубева

Тверской государственной университет, Тверь

В статье рассматривается место молчания как коммуникативного акта в системе прочих невербальных средств коммуникации.

Ключевые слова: молчание, коммуникация, невербальные средства, пауза.

Когда речь заходит о невербальных компонентах коммуникации, то, прежде всего, говорят о паралингвистических средствах – фонация, кинетика, мимика, проксемика. Г.В. Колшанский пишет: «К паралингвистическим средствам должны быть отнесены лишь функционально оправданные проявления физического состояния говорящего субъекта, которые необходимы для восполнения пробелов в вербальной коммуникации [...]. Функционирование паралингвистических средств языковой коммуникации детерминировано возможностью декодирования этих средств как маркеров однозначного восприятия информации, содержащихся в высказывании. Набор любых паралингвистических средств является не произвольным, а систематическим и внутренне приспособленным к характеру вербального высказывания» [2: 32]. То есть в сферу изучения паралингвистики традиционно попадают все «околоязыковые» явления – от ударения и интонации до жеста и положения тела, всё, что может нести какую-либо коммуникативную значимость в процессе общения, сопровождая, дополняя, уточняя или заменяя собой вербальный коммуникативный акт. Однако В. Нёт в «Основах семиотики» пишет, что всё это – паралингвистика в широком смысле, которая исследует все «вокальные и невокальные признаки человеческой коммуникации», и этой точки зрения придерживаются многие учёные. «Паралингвистика в узком смысле исследует область вокальной коммуникации, которая охватывает те сопровождающие речь феномены, которые выходят за пределы собственно фонологической точки зрения. Иными словами, паралингвистика исследует не то, что сказано, а то, как сказано. В определённом смысле это – фоностилистика [7: 273]. У Г.В. Колшанского всё это относится к фонации, разделу паралингвистики. Все же остальные невербальные средства – жесты, мимика, взгляды, тактильные знаки, положение в пространстве, т.е. все кинесические и проксемические знаки являются прерогативой семиотики, которая, по определению Ч. Морриса, является «общей теорией знака во всех его формах и проявлениях, у животных или людей, знаков нормальных или патологических, языковых или неязыковых, индивидуальных или социальных» (цит. по: [7: 48]). Все эти знаки составляют невербальную коммуникацию; паралингвистические же средства – ударение, паузация (юнктуры), высота тона, интонационная кривая, – всё то, что называется просодикой, – у самого В. Нёта попадают в раздел «Вербальная и вокальная (голосовая) коммуникация».

Молчание, однако, не вписывается в систему паралингвистических средств ни в широком, ни в узком смысле. Г.В. Колшанский квалифицирует па-

паралингвистические средства как маркеры однозначного восприятия информации; кроме того, «набор любых паралингвистических средств является не произвольным, а системным и внутренне приспособленным к характеру вербального высказывания». То есть речь идёт о системности и однозначности паралингвистических средств (нужно добавить – в одной национальной среде, ибо одни и те же знаки у разных народов, как известно, могут иметь разные значения); их однозначное декодирование возможно и вне языка, вне речи. «Это факторы, не относящиеся непосредственно к системе языка, но участвующие в коммуникации, и поэтому они относятся к внешним по отношению к языку факторам – экстрафакторам» [3: 18]. Кроме того, практически любое высказывание, описывающее конкретную ситуацию, конкретные события, может быть заменено невербальными средствами. Об этом свидетельствуют почти неограниченные возможности пантомимы, опыты постановок классических пьес в театре «Мимики и жеста» О богатейших выразительных возможностях жеста, которому подвластно всё, говорила великая балерина современности М. М. Плисецкая.

Что касается молчания, то между ним и паралингвистическим знаком есть принципиальное различие: паралингвистический знак (в понимании Колшанского) автономен от языка, молчание же такой автономностью не обладает, его значимость проявляется только в языковом окружении, оно зависит полностью от языковых знаков. Поэтому молчание нельзя отнести к внешним факторам. Если паралингвистический знак (кинема или проксема) может восприниматься и однозначно интерпретироваться в границах одного социума, минуя вербальный уровень, и независимо от него, то молчание приобретает свою значимость лишь в вербальном контексте. Если паралингвистические знаки сопровождают речевые ходы коммуникантов и благодаря этому делают речь более эмоциональной и выразительной, т.е. они являются вспомогательными средствами и без них можно в принципе обойтись, то молчание контрастирует речи и благодаря этому становится выразительным. Как утверждает Т. Брюно, на фоне языка молчание может быть даже более значимым, нежели речь [6: 18]. Действительно, если вспомнить, например, финальную сцену из «Ревизора» Н. В. Гоголя, то более значимым в этой сцене оказывается всеобщее молчание всех присутствующих в этом эпизоде персонажей, нежели предшествующее ей сообщение о приезде настоящего ревизора.

А. И. Галичев в своей диссертации, посвящённой кинесическим и проксемическим компонентам речевого общения, также понимает кинесику и проксемику как соответствующие разделы паралингвистики. Характеризуя свойства этих знаков, он говорит о семантических, синтаксических и прагматических измерениях кинем и проксем.

Семантические признаки паралингвистических знаков – дейктические, описательные, символические, усилительные и инвективные – не могут, за исключением, пожалуй, символического признака (ритуальное молчание), характеризовать молчание: оно не может указывать на что-либо, с его помощью невозможно описать, например, «геометрические фигуры», размер, формы поверхности и т.п.» [1: 18]; молчание не может усиливать какой-либо признак предмета (например, высшее качество или умственные способности, что может

показать жест); наконец, молчание не имеет инвективных возможностей, можно молча выразить недовольство или гнев, но не более.

«В плане синтаксического функционирования кинесические знаки могут: относиться к лексически неполноценному речевому элементу, следовать параллельно с речевыми высказываниями, предвосхищать вербальные сообщения, сопровождать более крупные части интеракции, подчёркивать часть речевого сообщения, заполнять периоды молчания, сохранять контакт между партнёрами по коммуникации, с опозданием дублировать содержание вербального высказывания, заменять отдельные слова и фразы, функционировать автономно» [цит. раб.: 21].

Как видно, ни одна из перечисленных функций, за исключением способности заменять отдельные слова и фразы, не может быть приписана акту молчания.

Синтаксическая функция молчания сводится, прежде всего, к разграничению каких-либо смысловых единиц – синтагм, предложений и т. П.М. Савиль-Труак, правда, говоря о грамматическом значении молчания, отмечает его способность заменять различные элементы предложения, например, в вопросе учителя «Это – ....?», где подразумевается вопрос «Что это?», или в ситуации, когда говорящий спрашивает кого-либо о его имени в форме «Вас зовут ....? [8: 7]. Сюда же можно отнести и немецкое выражение «Sie wünschen ...?» Структурно эта фраза является распространённым повествовательным предложением с прямым порядком слов, но в котором прямое дополнение заменено паузой, которая подразумевает ожидание вопроса, просьбы, предложения или сообщения. В сочетании с интонацией незавершённости вся структура получает значение вопроса. Эти случаи можно рассматривать также и как эллипсис, пропуск какого-либо элемента предложения, интонационно оформленного паузой (в данных случаях – именной части сказуемого и прямого дополнения) с тем, чтобы получатель восполнил этот пропуск, чтобы, например, проверить знания или узнать что-либо (имя, желание и т.д.), как в приведённых примерах.

Функция заполнения паралингвистическим знаком периодов молчания помогает раскрыть семантику молчания, сделать его однозначным. Трудно сказать, что здесь первично – жест или молчание. Можно допустить, всё же, что молчание, тогда кинемы играют сопроводительную роль по отношению к молчанию, и соотношение кинемо-проксемических средств коммуникации оказывается аналогичным их соотношению с языком. В этом также просматривается тесная взаимосвязь языка и молчания. Собственно, молчание – это внешняя форма внутренней речи: отказываясь по какой-либо причине от звуковой речи, человек не перестаёт мыслить. Этот отказ может быть намеренным или ненамеренным, вызван различными факторами психологического или социального характера, условиями и нормами соответствующего окружения и т. д. и тогда речь уже пойдёт о причинах, заставивших человека замолчать, и о том, как должно интерпретировать его молчание, что оно должно значить, т.е. исходя из вербального и невербального контекста реконструировать схематично, в виде имплицитур или пропозиции, содержание его мыслей и его намерений.

Возвращаясь к вопросу о месте молчания в системе невербальных компонентов коммуникации, я считаю, что как бы ни понималась область исследо-

ваний паралингвистики – узко или широко, – молчание не вписывается в её парадигму ни в том, ни в другом смысле: собственно паралингвистика, как это трактуется у В. Нёта, слишком узка для такого огромного понятия, как молчание, хотя пауза как фрагмент интонации и может в ней рассматриваться; паралингвистика в широком смысле, как у Г.В. Колшанского и А.И. Галичева, также не может взять молчание под своё крыло: природа кинемо-проксемических знаков значительно отличается от природы молчания, о чем говорят семантические и синтаксические характеристики этих знаков в работе А.И. Галичева.

Таким образом, молчание, на мой взгляд, попадает в более широкую и ёмкую систем средств невербальной коммуникации, что позволяет рассматривать молчание и с семиотической точки зрения, поскольку все они являются объектом изучения семиотики.

Развёрнутое определение невербальных средств коммуникации даёт А. Штойбле: «Невербальные средства коммуникации – это все неязыковые явления и способы поведения в интерактивном контексте [...] невербальные средства охватывает все явления, действия и формы выражения, которые не являются частью языка (в смысле актуально использованных слов, языковых выражений), т.е. все звуковые и речевые явления, паузы, неречевые звуковые выражения и, наконец, все физические, мимические, жестовые формы выражения [...]. Понятие невербальной коммуникации охватывает незвуковые невербальные и звуковые невербальные явления [9: 14-15]. Последние автор определяет как паравербальные, противопоставляя их невербальным, видимым, но не слышимым коммуникативным средствам. К паравербальным она, наряду с интонацией, ударением, громкостью звука относит и паузы, как заполненные, так и не заполненные [цит. раб.: 21]. Паузами автор называет короткие и более продолжительные остановки в речи, которые не имеют коммуникативной нагрузки; эти паузы неинформативны, они определяют общий характер речи и её ритм. Расчленяя речевой поток на смысловые отрезки, отмечая в нем точки, запятые, тире, многоточие, они выполняют синтаксическую функцию.

Молчание же в отличие от паузы – это качественно иная невербальная коммуникативная единица, это слышимая форма невербального поведения. Слышимая – потому, что как паузу, так любой акт молчания мы слышим, т.е. мы слышим отсутствие речи, и её отсутствие может оказывать на слушателя определённое воздействие, оно обращает на себя внимание, мы его воспринимаем сначала органами слуха, а затем оно воздействует каким-либо образом на наш мозг, заставляя решать, что это молчание означает, или на наши чувства, вызывая определённые эмоции.

В связи с этим, предложенную автором структуру невербального поведения следует дополнить молчанием, которое попадает в группу паравербальных, т.е. слышимых, но не видимых средств коммуникации. Сама автор представляет эту структуру невербального поведения в виде перечня основных понятий для анализа невербального поведения [там же]. Однако, в принципе, это не что иное, как структурные элементы невербальной коммуникации, имеющие также и оппозитивные отношения.

Представим данную структуру в виде ряда оппозиций (рис. 1) :

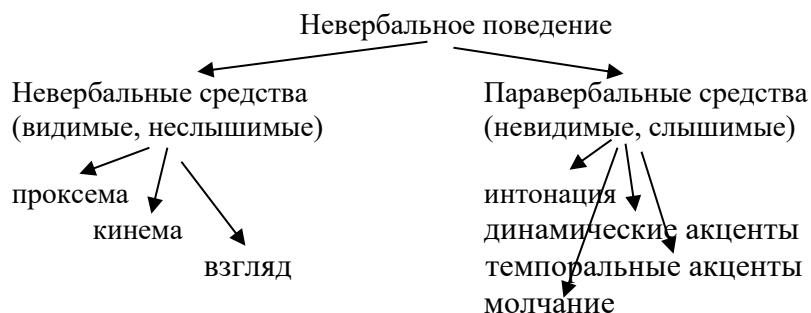

Рис. 1

(Темпоральные акценты включают: темп речи, очень короткие паузы в 0,5-1 сек., незаполненные и заполненные более продолжительные паузы; динамические акценты – ударение и громкость звука).

Как видно из схемы, сюда попадают все основные компоненты невербальной коммуникации. В этом видится преимущество такой интегрированной схемы, поскольку она даёт целостную картину невербальной коммуникации.

Следует заметить, однако, что часто происходит смешение понятий пауза и акт молчания, их рассматривают как синонимические понятия, что, на мой взгляд, неверно. Например, в целом в очень интересной статье О.М. Любимской «Пауза как средство невербальной коммуникации в творчестве Дж. Д. Сэлинджера» автор пишет: «Особое внимание лирический герой Сэлинджера уделяет молчанию в виде паузы...» [5: 120]. Да, автор, в данном случае Дж. Д. Сэлинджер, называет прерывание речи героев паузой, но не стоит, наверно, путать художественное произведение, в котором автор волен называть что и как угодно, в зависимости от своих целеполаганий и языковых привычек, и научное исследование, в котором следует придерживаться определённой терминологии и разводить понятия. А пауза и молчание, как доказано во множестве исследований на данную тему, – не одно и то же. О том, что молчание и пауза не одно и то же, пишет М. Л. Ковшова в работе «Пауза, молчание и тишина в пьесах М. Булгакова»: «Молчание – переживаемое понятие в русской культуре, и потому “словам молчания”, включая *паузу*, свойственно глубокое прочтение, их семантика при восприятии зачастую дополняется культурными коннотациями. Молчание и пауза – знаки, используемые в театральной коммуникации во всем многообразии их значимости; в русском драматическом тексте ремарка *молчание* уступила место ремарке *пауза*, которая стала означать и короткий перерыв, и выражать более сложное содержание. Ремарка *пауза* у Булгакова проще, чем ремарка *молчание*. Ремарка *молчание* во всех его пьесах – романно-драматургическое слово, объединяющее обе ипостаси писателя и драматурга Михаила Булгакова, которым идея молчания переживалась особенно глубоко. Ремарка *молчание* требует от актёра особенного, проникновенного действия, а читатель воспринимает ремарку как слово *молчание* со всеми его культурными смыслами. Ремарка *тишина*, введённая М. Булгаковым, с присущими этому слову космогоническими и мистическими коннотациями, ещё более усиливает концептуальную связь метатекстового элемента – ремарки – и основного драматического текста» [2: 291].

В этой связи позволю себе повторить оппозиционный ряд понятий, обозначающих отсутствие или прерывание речи и звука в самом широком смысле, предложенный мной ещё в моём диссертационном исследовании «Коммуникативно значимое молчание в структуре языкового общения» (рис. 2):

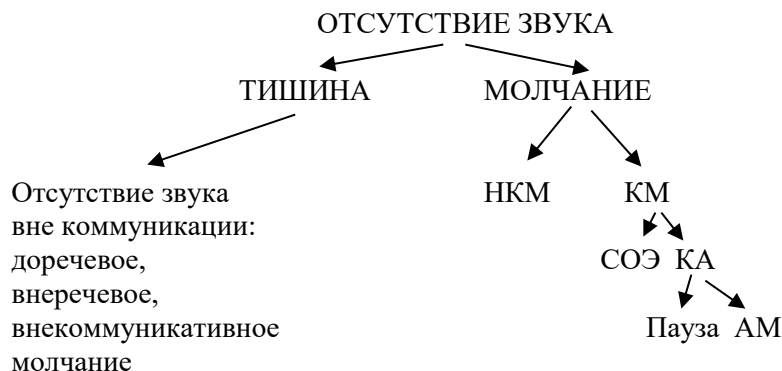

Рис. 2

(НКМ – некоммуникативное молчание; КМ - коммуникативное молчание; СОЭ – молчание как структурообразующий элемент, КА молчание как коммуникативный акт, АМ - акт молчания).

Согласно данной схеме, коммуникативно значимое молчание включает:

- молчание как условие и фон для совершения некоторых действий (СОЭ), его коммуникативная значимость обуславливается обязательностью этого условия, невыполнение которого ведёт к нарушению действия вплоть до его отмены;
- молчание как коммуникативный акт и невербальный компонент процесса общения, дискурса и диалога.

Пауза же, будучи неотъемлемым элементом речевого коммуникативного акта, не равна АМ, поскольку последний выступает заместителем соответствующего речевого хода, когда не реализуется какой-либо речевой акт, а пауза не заменяет и не отменяет речевой акт, а только задерживает его начало или разбивает его на фрагменты или смысловые единицы, т.е. выполняет синтаксическую функцию.

Список литературы

1. Галичев А.И. Кинесический и проксемический компоненты речевого общения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 1987. 22 с.
2. Ковшова. М.Л. «Пауза, молчание и тишина в пьесах М. Булгакова»: Логический анализ языка. Адресация дискурса. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. Изд. «Индрик». Москва 2012. С.276–293.
3. Колшанский Г.В. Паралингвистика. М.: Наука, 1974. 80 с.
4. Крестинский С.В. Коммуникативно значимое и коммуникативно незначимое молчание. / Языковой дискурс в социальной практике. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального

- образования "Тверской государственной университет"; Ответственный редактор: Н.А. Комина. 2012. С. 113–118.
5. Любимская О.М. «Пауза как средство невербальной коммуникации в творчестве Дж. Д. Сэлинджера». Филологический класс. 2017. № 3 (49). С. 119–123.
  6. Bruneau T.J. Communicative silences: Forms and functions//The Journal of Communication. N 23. 1973. P. 17–46.
  7. Nöth W. Handbuch der Semiotik. J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung; Stuttgart. 1985. 560 S.
  8. Saville-Troike M . The Place of Silence in the Theory of Communication// Perspectives of Silence. – Ed. by D. Tannen, G.U., M. Saville-Troike. Univ. of Illinois. 1985. P. 1–18.
  9. Steuble A. Integrative Konversationsanalyse: Zum Zusammenhang von Sprache, nonverbaler Kommunikation und interaktive Beziehung. Pfeifenweiler: Centaurus-Verlagsgesellschaft, 1986. 438 S.

NONVERBAL MEANS OF COMMUNICATION AND THE ACT OF SILENCE

S.V. Krestinsky, V.A. Golubeva

Tver State University, Tver

The article considers the place of silence as a communicative act in the system of other nonverbal means of communication.

Keywords: silence, communication, nonverbal means, pause

Об авторах:

КРЕСТИНСКИЙ Станислав Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, Тверской государственной университет, кафедра иностранных языков естественных факультетов, email: krestinskiy.sv@tversu.ru

ГОЛУБЕВА Вера Александровна – старший преподаватель кафедры иностранного языка естественных факультетов тверского государственного университета, email: golubeva.va@tversu.ru